

18+

Ольга Панина-Смольская

Торькие и сладкие
цветы судьбы

Ольга Панина-Смольская

Горькие и сладкие цветы судьбы

«Издательские решения»

Панина-Смольская О.

Горькие и сладкие цветы судьбы / О. Панина-Смольская —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-562038-5

В основе произведений из цикла «Горькие и сладкие цветы судьбы» лежат реальные события, человеческие переживания, впечатления о поездках по Америке и России. Реальность переплетается с фантазией. В повести «Первый опыт» красной нитью проходит тема любви молодого художника к зрелой женщине с непростой судьбой. «Двойник» полностью основан на реальных событиях. В рассказе «В антикварной лавке» реальность неожиданно оборачивается удивительной фантасмагорией в духе новелл Э. Т. А. Гофмана.

ISBN 978-5-00-562038-5

© Панина-Смольская О.
© Издательские решения

Содержание

ПЕРВЫЙ ОПЫТ	6
Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Горькие и сладкие цветы судьбы

Ольга Панина-Смольская

© Ольга Панина-Смольская, 2022

ISBN 978-5-0056-2038-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПЕРВЫЙ ОПЫТ

Глава 1

Два молодых человека шли по переулку маленького подмосковного посёлка, в котором любила отдыхать московская творческая элита. Первый из них, Георгий, которого все называли просто Георг, был начинающим, но уже заявившим о себе художником, а второй, Михаил – прозаиком и драматургом.

Михаил на ходу пытался ответить на вопрос друга, почему он пишет такие несовременные вещи, которые, с точки зрения художника, можно было назвать «антиквариатом в прозе». Прозаик с жаром объяснял Георгу, что, на его взгляд, все устали от житейской суеты, неурядиц, погони за призрачным счастьем – и хотят красоты и чего-то возвышенного.

Пока Михаил доказывал другу свою правоту, последний мысленно улетел в другие сферы, и глаза его уже привычно нащупывали подходящую натуру для очередной картины. Молодые люди проходили мимо сада, утопающего в августовских цветах, от которых веяло какой-то тревожной, обжигающей прохладой, и художник, утомившись от спора с прозаиком, стал заглядываться на эти цветы, на всё это многоцветное великолепие. Он почувствовал, что в груди у него что-то защемило, затрепетало, – захотелось тишины и одиночества, чтобы полностью погрузиться в желанное состояние творческого экстаза.

Художник и сам не знал, зачем затеял спор с другом, что за муха его укусила. И зачем надо было заявлять Михаилу, что не стоит писать столь возвышенным слогом на такие далёкие от современной жизни темы? Да пусть себе пишет, если чувствует такую необходимость.

– Ведь ты же ищешь красоту и пытаешься перенести её на свои холсты? – настойчиво спрашивал Георга Михаил.

– Да, но изображение на полотне и проза – совершенно разные вещи, – упрямо не соглашался художник.

– Разве? А я уверен, что это – суть одно, только формы выражения разные, – горячился Михаил.

– И где ты видел такую любовь, какую описываешь? Её нет в современном мире! Это чувства средневековых рыцарей к дамам своего сердца. А кто сейчас так любит и так верен? – Георг усмехнулся, прищурив карие глаза. Его густые тёмные волосы «ёжиком» стали ещё ершистее (по отцу в нём текла греческая кровь, и он очень этим гордился).

Молодые люди остановились у ограды сада, вдоль которой шли.

– Бессмысленный спор, я больше не хочу ничего доказывать – это пустое! – отрезал Михаил, сердито запыхтев и сверкнув сине-зелёными глазами. Его худощавая фигура будто ещё больше вытянулась и, казалось, выражала возмущение и несогласие, а светло-русые волосы рассыпались на два ряда и он их беспокойно поправлял.

– Ну что ты так горячишься? У каждого своя позиция, – примирительно сказал Георг, заглядывая другу в глаза. – Да ты прямо кипишь!

Но успокоить Михаила было не так-то просто. Художник знал, что у друга вспыльчивый характер, тем более, сейчас была затронута самая его чувствительная струна.

– Ну что, мир? – доброжелательно, но твёрдо спросил Георг у Михаила. – Я знаю, ты достойный мастер своего дела – и пиши себе о том, что тебя волнует. А прения и критика только подхлестывают художника.

Эти слова и умиротворяющая сила Георга подействовали на Михаила благотворно, он сдался, выдохнул и улыбнулся. В этот момент они вдруг увидели в саду, за пышными цветами, женщину, которую ранее в пылу спора не замечали. Она собирала хризантемы, в руках у неё

был целый букет. Женщина подносила цветы к лицу, вдыхала их аромат и при этом задумчиво улыбалась. Тут она подняла голову и от неожиданности замерла, с удивлением взирая на молодых людей, точно лунатик, которого внезапно разбудили. Юноши растерялись, но лишь на секунду, затем сразу же нашлись, раскланялись и стали уверять хозяйку, что у них и в мыслях не было кого-либо потревожить – они остановились у ограды случайно, увлекшись спором об искусстве и литературе.

– Мы из Москвы, а здесь сняли дом на месяц, – пояснил Георг. – Я – художник, а мой друг – прозаик.

– Вот оно что, – улыбнулась женщина, выслушав их сбивчивые объяснения. – Раз уж случай нас свёл, давайте знакомиться: меня зовут Ада. Если у вас есть желание, можете войти и посмотреть мой сад.

Юноши назвали свои имена и поблагодарили хозяйку за приглашение.

– Проходите, – сказала она. – Я сейчас открою калитку.

– Да это просто рай какой-то! – восхитился Георг, шагая с Михаилом по дорожке вдоль ряда цветов. Он залюбовался пышными хризантемами, похожими на светских красавиц на балу, гордыми гладиолусами и георгинами, что горели как яркие флаги, прикоснулся ладонью к бархатистым головкам пёстрых астр и погладил холодные, будто неземные, лепестки роз.

Михаил отметил про себя, что на длинном шёлковом халате Ады играет рисунок из таких же ярких цветов, как и в её саду. Ада, которая шла впереди юношей, обернулась и сказала:

– Вот какие цветы мне удалось вырастить! Разве я не молодец?

Молодые люди переглянулись, и лёгкие улыбки заиграли на их лицах – непосредственность хозяйки их развеселила.

– Конечно, у меня есть помощница, спасибо ей. Иногда приходила её дочка и тоже работала с нами. В саду всегда много дел. Для меня этот труд – сродни смыслу жизни, как бы претенциозно это не звучало, – пояснила Ада. – А о чём вы спорили? Расскажите.

Юноши несколько смутились, но Георг сразу же ответил:

– Это был вечный спор о красоте и любви, мы дискутировали о том, как лучше раскрыть эти темы в своём творчестве.

– Интересно... – улыбнулась Ада.

Они подошли к беседке в виде летнего домика для чаепитий. Вокруг росли молодые деревца и зелёной стеной стояли высокие кусты роз, над которыми радостно гудели пчёлы и шмели, перелетая с цветка на цветок.

«Какое всё живописное и будто сказочное», – подумал Георг.

– А не попить ли нам чаю? – спросила хозяйка.

– Это было бы замечательно! – обрадовался Михаил.

– Вот вы мне и поможете вынести из дома чайник и чашки, ловлю на слове.

– С удовольствием помогу, – радостно согласился он. – А наш художник пока полюбуется цветами.

– Возьмите у меня хризантемы, несите их в дом, – Ада передала букет Михаилу, – а я налью воды в вазу.

Георг был рад, что его оставили одного. Он погрузился в созерцание прекрасного сада, который напоминал ему библейские райские кущи, и в то же время стал осознавать, что события развиваются как-то неожиданно, довольно быстро и что новая знакомая вызывает у него чересчур живой интерес. «Сколько обаяния в этой женщине! – с восторгом подумал он. – Неужели она живёт одна? Или у неё кто-то есть...». Не успел он закончить свои размышления, как Ада с Михаилом вернулись.

Все уселись за столик в беседке, хозяйка стала разливать чай. Молодые люди залюбовались ею – женщина обладала природной грацией, движения её были гибкими, а манера держаться простой и естественной.

– Так в чём была суть вашего спора? – спросила она. – Я поняла, что вы спорили о том, как лучше раскрыть красоту и любовь в своих творениях?

– Примерно так, – подтвердил Георг.

– Жизнь сама вам всё подскажет и жизненный опыт поможет. Но опыта у вас пока маловато, как я понимаю... Однако, это поправимо, – улыбнулась Ада.

– Напрасно вы думаете, что только опыт всё решает, – с вызовом заявил Михаил. – Кстати, я хотел спросить: как ваше отчество? Просто по имени обращаться неудобно, ведь вы старше нас.

– Какая удивительная вежливость! – с иронией заметила женщина. – Как говорил Лопе де Вега: «Ну что за вежливая грубость?». Вы подчеркнули мой возраст, мне это, конечно, не совсем приятно, но куда деваться: годы... Правда, я их не замечаю и за цифрами не слежу. Обращаться ко мне можно без отчества, ведь вы люди искусства, а значит – люди с другой планеты, и я того же поля ягода.

– Вы пишете? – с большим интересом спросил Георг.

– Нет, – ответила Ада.

– А чем вы занимаетесь? Простите за любопытство.

– Просто живу... – Георг уловил в её голосе отрешённость и скрытую печаль, смутился и решил не задавать больше лишних вопросов.

«Наверное, поэтесса, – подумал Михаил. – И чем-то напоминает Анну Ахматову в молодости: такая же стрижка, тёмные волосы, гипнотический взгляд, гордая осанка. Только нос не как у Ахматовой, прямой, а взгляд огромных глаз такой же глубокий: в них можно утонуть».

– Как художник, хочу сказать, что вы всегда будете молоды и современны, – несколько глухим голосом произнёс Георг. – Я чувствую в вас какую-то колдовскую энергию – она просто ощутима! Разве не так?

– Возможно, – Ада посмотрела на художника пронизательным взглядом. – Но не всё, что вы чувствуете, стоит озвучивать. – Она подлила в чашки чай и подала гостям печенье.

– Вы бываете на озере? – спросил её Георг, чтобы сменить тему разговора.

– Бываю. Иногда купаюсь, а в прохладные дни прогуливаюсь по берегу. Мне там очень нравится.

– Да, там чудесный песчаный пляж. В конце недели можно было бы сходить туда всем вместе и искупаться, – предложил Георг.

– Середина августа выдалась просто золотая, надо воспользоваться! – поддержал друга Михаил.

– Хорошая мысль, – согласилась Ада. – Давайте встретимся у озера в субботу в одиннадцать.

***

До субботы оставалось несколько дней. Юноши, занимаясь своими делами, постоянно вспоминали о новой знакомой и гадали: кто же она – поэтесса, актриса или... Как-то вечером Михаил сказал Георгу:

– Я заинтригован новым знакомством. Интересно, кто же эта женщина? И как жаль, что она для нас стара, я имею в виду любовь.

– Ты так думаешь? Разве возраст играет такую решающую роль? – задумчиво спросил Георг. – Знаешь, Михаил, меня не могли взволновать многие девушки модельной внешности, а эта зрелая женщина вызвала целую бурю в моей душе.

- Осторожнее – от неё действительно можно потерять покой.
- Я и сам не пойму, что со мной происходит...

***

В субботу с утра было солнечно, светло, но на горизонте зависли огромные белые облака, блистающие в лучах солнца и словно застывшие в своём великолепии.

По дороге к озеру Георг отстал от Михаила, увидев незабудки на небольшой поляне. Он наклонился и стал очень бережно собрать эти маленькие цветы: цветочек к цветочку. Пока он их собирал, как раз заметил кипучую жизнь среди листвы и травы: в этой зелени и в земле копошились жучки, паучки, муравьи... «Да здесь целый мир! – подумал он. – Видимо, у них свои законы и свои страсти. Не может быть, чтобы ими руководили одни инстинкты...».

Михаил окликнул друга:

- Что ты там делаешь? Не отставай!
- Иду! – крикнул Георг, догоняя его.
- Ты собирал незабудки? – удивился Михаил, заметив в руке Георга трогательный букетик.
- Хочешь написать их акварелью?
- Нет, это подарок Аде от рыцаря печального образа, – шутливо ответил Георг.
- Хорошо помню, как кто-то недавно смеялся над такими рыцарями, – поддел друга Михаил.

- Что поделать, оказывается, человек совершенно не знает самого себя.
- Старая истина.
- Но когда она касается лично тебя, сразу делается очень новой.
- Ада сидела на берегу и, завидев молодых людей, помахала им рукой.
- Вы опаздываете, юноши, – я уже минут пятнадцать вас жду! – крикнула она.
- В знак того, что вы нас прощаете, примите эти цветы, – сказал Георг, подходя к ней и подавая незабудки.

- Какое чудо! – воскликнула она. – Тут уж можно многое простить мужчине.
- Учту на будущее, – весело и беззаботно отозвался Георг.
- С незабудками у меня связаны очень личные воспоминания. Возможно, я когда-нибудь расскажу вам об этом, – тихо сказала Ада. – Почему вы сегодня такой задумчивый и молчаливый? – обратилась она к Михаилу.
- Незабудки вывели меня из равновесия – слишком хороши! – буркнул он.
- Не говори глупостей, – осадил его Георг.
- Какие вы смешные! – улыбнулась женщина. – Вы купаться собираетесь?
- А вы? – спросил Георг.
- Нет, сегодня я купаться не буду, посижу у воды и посмотрю на вас, – она поправила свою светлую блузу, которую теребил неожиданно разыгравшийся ветерок.

Над озером низко пролетали быстрые птицы. Из воды, играя, с лёгкими всплесками выпрыгивали небольшие рыбёшки. Вокруг Ады покружила цветная бабочка, почти коснувшись её плеча, и скрылась так же внезапно, как и появилась.

От соснового бора доносился тягучий медовый запах сосен, а откуда-то издалека потянуло волнующей прохладой и свежестью грозы. Молодые люди скинули одежду и стали заходить в воду. Михаил ёжился и вздрагивал, его белая кожа покрылась мелкими мурашками, а Георг, крепкий, смуглый и ладный, как древнегреческий бог, нырнул в воду, как в родную стихию, обдав при этом Аду брызгами.

– Холодно... Хорошо, что вы не стали купаться! – крикнул Аде Михаил, проплывая вдоль берега.

А Георг, словно не чувствуя холода, поплыл к середине озера. Ада заволновалась:

– Не заплывайте так далеко! Ветер поднимается, тучи идут – посмотрите!
Георг вернулся к берегу, втайне довольный тем, что Ада за него волнуется.
Михаил, выскочив из воды, стал растираться полотенцем.

– Как бы не простыть, что-то я замёрз сегодня! – стуча зубами, сказал он.

– Одевайтесь быстрее оба – гроза приближается! Добежим до моего дома, здесь не так далеко, наверно, успеем... Я напою вас горячим чаем с кагором, а то простынете, – скомандовала женщина.

Молодые люди не без удовольствия подчинились ей и побежали следом за нею, смеясь, как дети. Купание их освежило, тела после холодной воды горели, а беспричинная радость вскипала как пузырьки шампанского.

В доме Ады стояла тишина. Художник и писатель как-то сразу притихли, присмирели от духа старины, царящего в этих стенах. Ада зажгла в гостиной камин и ушла переодеваться в спальную комнату, унеся с собой незабудки.

Юноши сели в кресла, с интересом разглядывая обстановку зала: старинную мебель, картины на стенах, книги и посуду в шкафах. Тут гром грянул с такой силой, что задрожали стёкла в окнах, и следом хлынул ливень.

– Мы вовремя успели! – Георг подошёл к окну.

– А приятно, сидя у камина, слушать, как за окнами шумит гроза, – задумчиво произнёс Михаил.

Расщеплённые молнии вспышками разрезали небо, раскаты грома напоминали трубные гласы.

Ада вернулась, переодевшись в длинное платье из текучей серебристо-песочной ткани, и сказала, что не стоит зажигать электричество, лучше свечи. Отодвинув вазу с хризантемами в сторону, она расставила на столе подсвечники.

– Зачем столько подсвечников? – удивился Георг.

– Я люблю, когда горит много свечей, и часто зажигаю их вечерами и в пасмурные дни, – ответила она. – Помогайте мне, друзья, доставайте бокалы и тарелки из «горки», кагор из шкафа на кухне, а из холодильника салаты, сыр, ветчину и фрукты.

– Да это будет настоящий пир! – Михаил встал из кресла и направился к «горке».

– Значит, за нами в следующий раз ответ, – сказал Георг, не в силах оторвать от Ады восхищенного взгляда.

– Я согласна, – просто, без кокетства ответила женщина и улыбнулась ему. – Вас, Георг, мне хотелось бы иногда называть Жоржем, на западный лад. Можно?

– Я предпочёл бы остаться Георгом, не обижайтесь, Ада, – мягко отказался молодой человек.

– И меня не надо на западный лад: хочу быть просто Михаилом, – тут же отреагировал его друг, сервируя стол.

– Пусть будет по-вашему, – несколько шутливо сказала Ада. – Не знаю, почему мне захотелось Георгия называть Жоржем?

– А я догадываюсь, в чём причина, – неожиданно заявил Михаил.

– И в чём же? – Георг с интересом посмотрел на него.

– Георгий – очень строгое гордое имя, возникает дистанция, а Жорж – мило, как-то по-домашнему.

– Да вы психолог! – смущённо улыбнулась Ада.

– Я писатель, правда, начинающий, и мне полагается быть психологом.

– А коль вы писатель, расскажите нам что-нибудь интересное, – предложила женщина.

– Хорошо, расскажу смешной эпизод из своей жизни, – согласился Михаил. – Однажды в нашем книжном магазине продавщица спросила меня: «А вы сами пишете или вам кто-то

помогает?». Я ответил: «Конечно, помогает! По ночам пишет мой пёс – всё строчит и строчит! А я по утрам только проверяю тексты и редактирую».

Ада рассмеялась, а Георг слегка поднял брови и усмехнулся.

Между тем они накрыли стол и принесли из кухни большой расписной чайник с горячим чаем.

– Располагайтесь поудобнее, накладывайте себе салаты, – обратилась к гостям Ада. – Это дом моего деда. Он завещал его мне. Здесь много старинных вещей – всё наше, родовое, есть и большая библиотека. Вам нравится этот дом?

– Конечно. От него веет стариной и тайной, – ответил Георг.

– Верно, – согласился Михаил.

– Именно стариной и тайной, – подтвердила Ада. – Друзья, наливайте кагор, можете добавлять его в чай, вам надо согреться.

– Кто скажет тост? – Михаил разлил вино по бокалам.

– За хозяйку, таинственную женщину этого таинственного дома, и за знакомство! – торжественно произнёс Георг.

– Как пышно! – улыбнулась Ада, глаза которой при свете свечей напоминали две большие блестящие черешни.

– В духе средневековых рыцарей, – поддел друга Михаил.

– Прекрати! – оборвал его Георг.

– Дорогие рыцари, оставьте колкости, – остановила их Ада.

– Я бы хотел написать ваш портрет, – обратился к ней художник. – Что вы на это скажете?

Вы согласитесь позировать?

– Как я могу вам отказать? Вы такой милый! – она слегка дотронулась до его руки.

– Мне приятно это слышать! – обрадованно сказал Георг. – В вас, Ада, есть что-то царственное и это надо запечатлеть на холсте. Мне кажется, это место мелкогато для вас. Вам подошёл бы какой-нибудь большой роскошный город, например, Париж, Рим, или Лондон.

– Это место мелкогато для меня?! И это говорит художник?! – возмутилась Ада. – Моя приятельница тоже недоумевает, почему я живу здесь, считает, что это место не для меня. Я с этим не согласна! Если и есть рай на земле, то для меня он здесь. Запах нашей земли, лес и озеро, русский говор, перезвон колоколов, наши дожди и снега... А мой дом и сад!

– Но вы, наверно, любите путешествовать? Я уверен, что для такой женщины сидеть на одном месте было бы просто невыносимо, – Георг вопросительно посмотрел на Аду.

– Да, я иногда летаю за границу, в Европу, но всегда возвращаюсь сюда, в российскую глубинку, – спокойно ответила она.

– Куда именно вы летаете, и что вам больше всего там нравится? – поинтересовался Михаил.

– Я бываю в Италии у своего близкого друга. Мне там нравится всё – и люди, и природа, и климат, и архитектура. А какие там музеи! – она мечтательно откинулась на спинку стула.

В сердце Георга что-то кольнуло.

– Я как раз хотел посетить Италию, – тихо сказал он.

– Художнику непременно надо побывать в этой стране и поучиться у старых мастеров, – поддержала его Ада. – А когда вы собираетесь ехать?

– Пока не планировал точно, возможно, поеду следующим летом.

– А я, дай Бог, уже через месяц буду там! – с воодушевлением сказала она.

– А как же наши планы написать ваш портрет? – глаза Георга будто потускнели. – Я не успею за такой короткий срок, работаю я обычно подолгу.

– Тогда начнём писать здесь, а закончим в Италии. Хорошо я придумала?

– А стоит ли начинать, если неизвестно, когда я смогу его закончить? – упавшим голосом спросил художник.

– Дорогой Георг, можете прийти уже завтра утром делать эскизы к портрету. Начнём работу, а потом обязательно продолжим. В любом случае, я вернусь сюда месяца через два или чуть позже... За домом будет смотреть моя помощница. Вы можете мне звонить, запишите мой номер, потом ещё обсудим некоторые детали.

Георг слегка кивнул и записал её телефон.

– Ливень прошёл, нам пора. Спасибо вам, Ада, за обед. – Михаил поднялся из-за стола. – Вы спасли нас от дождя и простуды,

На прощанье Ада пожалала им руки. Георг задержал руку женщины в своих ладонях дольше положенного, а она и не думала её отнимать и даже ответила ему лёгким пожатием. У Георга потеплело на душе. Но когда они с Михаилом пошли по переулку, его снова охватило беспокойство, и сердце сжалось от какого-то пронзительного чувства – то ли радости, то ли тоски.

– Что это со мной? – удивился он. – Я всегда умел владеть собой...

***

На следующий день Георг застал Аду в саду за чтением. Она сидела за небольшим столиком под яблоней, ветви которой клонились под тяжестью спелых плодов. Земля вокруг дерева была усыпана крупными яблоками, которые выглядывали из низкой травы красно-розовыми боками. И вновь вспомнился Георгу библейский райский сад – картины Кранаха и Дюрера, на которых изображены прекрасные обнажённые Адам и Ева до грехопадения, не ведающие своей наготы, доверчивые и безмятежные. Художник подумал, что в следующий раз обязательно напишет Аду под этой яблоней, но сейчас ему хотелось изобразить её в старинном кресле у окна или камина, загадочной, царственной.

Молодой человек окликнул женщину.

– Я рада вас видеть! – она отложила книгу и поспешила к калитке. – Как вы нагружены!

– Это мои рабочие принадлежности и подарки для вас, – художник достал из сумки большую коробку шоколада и высвободил из бумаги картину. – Мой автопортрет, вам на память.

– Вы дарите мне свой автопортрет? – удивилась она.

– Да, именно.

– Это очень необычный и дорогой подарок. Я даже не знаю, как вас благодарить.

– Благодарить не надо, я буду счастлив, если картина будет у вас.

– Какой вы... Давайте занесём картину в дом, я хочу её внимательно рассмотреть.

Они вошли в просторный зал, и художник поставил картину у стены.

– Это философский автопортрет, – сказал он.

– Вот как, – словно про себя, произнесла женщина, не отрывая взгляда от картины. –

А что означают эти животные и птицы?

Георг промолчал.

В центре полотна, на дальнем плане, Ада увидела фигуру Георга, выходящего из какого-то античного дворца с мольбертом в руке. Слева была изображена большая серебристая рыба, справа – две обезьянки на лианах, из зарослей выглядывал лев, а в траве притаилась крупная змея. Возле террасы дворца сидела птица в клетке, а в вышине парил орел. На небе – одновременно – были и солнце, и луна, и звезды.

– Загадочная картина – с подтекстом, – задумчиво сказала Ада. – Тайнственное послание... Что вы хотите сказать зрителю?

– А как вы думаете?

– Я думаю, вам хотелось приоткрыть то, что спрятано в глубинах вашего подсознания и в тайниках вашего сердца.

– Вы искусствовед? – живо спросил молодой человек.

– Вообще нет. Просто я почувствовала скрытый смысл вашей работы.

– Вы меня поразили.

– А вы – меня. Да ещё как!

Оба рассмеялись.

Ада предложила Георгу выпить чашку кофе, но он отказался, объяснив, что уже хотел бы погрузиться в работу.

Он усадил Аду в старинное кресло у большого окна и стал поправлять ей волосы, близко наклонившись к ней, так близко, что ощутил лимонный аромат её духов и свежий запах её упругого тела. У него закружилась голова – он отпрянул и отошёл к мольберту.

Помолчав, Ада спросила, не включить ли музыку, и Георг тут же согласился.

– Что будем слушать? У меня много классики, выбор за вами.

– Пожалуй, Шопена, любое его сочинение, – Георг пытался побороть охватившую его скованность.

– Хорошо, сейчас.

Зазвучал Шопен, и Георгу, как будто, стало легче дышать и работать. Музыка сняла напряжение и поддержала его творческие силы.

Когда сеанс закончился, Ада снова предложила молодому человеку немного перекусить, но он почувствовал, что не сможет проглотить ни кусочка. Внутреннее волнение, как и прежде, поднялось у него в груди.

– В ближайшие дни я буду очень занята, – сказала Ада. – Готовлюсь к отъезду, много дел.

Тень пробежала по лицу Георга.

– Тогда я буду работать пока по памяти, – ответил он.

– А через неделю, ровно в это же время, встретимся, – Ада тепло улыбнулась, и в глубине её тёмных глаз промелькнуло что-то похожее на нежность.

Георг подошёл к ней вплотную, неожиданно наклонил голову к её плечу и уткнулся губами в её шею, прямо рядом с маленьким ухом, словно ребёнок.

– Я не смогу без вас! Не уезжайте! – с мольбой прошептал он.

– Это невозможно! – взволновано ответила она. – Нам, видимо, лучше расстаться. Всё это становится слишком серьёзным – и ничего хорошего из этого не получится. Мой отец, когда был жив, говорил, что я живу больше чувствами, чем разумом, и это может когда-нибудь привести к беде. Нам не стоит так погружаться в наши чувства – это опасно!

– Поздно... Я, пожалуй, пойду, – он быстро собрал мольберт и кисти и, опустив голову, пошёл к выходу.

Почти бегом бросился он по переулку, прочь от дома Ады, понимая, что отныне вся его жизнь переменялась.

Глава 2

В течение недели Георг неоднократно зарекался никогда больше не встречаться с Адой, но потом менял своё решение. Он мысленно метался то в одну, то в другую сторону. Наконец непреодолимое желание видеть свою музу превысило оскорблённое самолюбие молодого мужчины.

«Ада говорила, что мы продолжим работу через неделю, хорошо, продолжим, а там – будь что будет. Лишь бы она согласилась встретиться! Я напишу такой её портрет, что она увидит во мне настоящего художника и мужчину, – лихорадочно думал он. – Портрет должен превзойти всё, что я писал до этого».

Боль, которую он испытал во время их последней встречи, не утихла, нет, но он уже научился справляться с этой болью, стараясь загнать её в дальние уголки своего сердца, а там, в самой глубине, словно упрямый росток, зарождалась надежда на счастье.

В конце недели он позвонил Аде и, придав голосу бодрые интонации, как ни в чём не бывало, спросил, во сколько завтра они продолжают работу.

– Вы всё-таки хотите писать мой портрет? Вот как... Но это пока невозможно, я улетаю раньше, чем планировала, уже завтра утром, так сложились обстоятельства. Вы ещё чудом меня застали. Диктуйте свой телефон.

– Что случилось? Из-за чего такая спешка? – спросил Георг и назвал номер своего телефона.

– Я потом вам всё объясню, позвоню из Италии, а сейчас мне пора собираться. Милый мальчик, удачи во всём!

– Когда мне ждать звонка?

– Этого я не знаю, но позвоню обязательно.

– Удачного полёта!

***

Прошло более двух недель, но звонка от Ады не было. Георг работал как одержимый – продолжал писать портрет своей музы и начал новые картины.

Его бывший учитель как-то зашёл к нему и удивился:

– Да ты делаешь успехи! У тебя появился неповторимый почерк. Это очень важно для художника. Мне всегда хотелось, чтобы ты раскрылся в полной мере. Видимо, что-то воодушевило тебя – чувствуется такой подъём!

– Есть причина, но мне не хотелось бы об этом говорить.

– Ты прав, храни свою тайну. В жизни каждого человека должно быть место для тайны. Успехов тебе! Если ты и дальше будешь так писать, можно будет организовать выставку твоих работ в одной из крупных галерей. Я помогу тебе в этом.

– Благодарю вас за такую оценку и желание помочь.

***

Михаил пригласил Георга отпраздновать в конце недели день своего рождения в ресторане на Арбате.

– Соберётся небольшая компания, будут все свои, – сказал он, – моя девушка Елена, друг нашего золотого детства Даниил, если только выберет время, и Стас с Лерой. Кстати, эта красавица передавала тебе привет.

- Спасибо за приглашение, старик. Во сколько собираемся?
- В четыре. Хотел спросить: был ли звонок от Ады?
- До сих пор не было. Я уже не знаю, что и думать, но чувствую, что в её жизни происходит что-то серьёзное.
- Не переживай, она позвонит, я уверен. До встречи.

***

Пожелание Михаила не переживать нисколько не помогло Георгу – он стал плохо спать, мысли бежали по кругу, и даже работа уже не спасала. Вечером следующего дня у него поднялась температура, начался озноб, и он слёг.

– К сожалению, я не смогу приехать в ресторан, неожиданно разболелся, – сказал он Михаилу по телефону. – Подарок за мной.

– Какой там подарок! Ты выздоравливай – это главное! Завтра я тебя навещу.

– Спасибо, не надо. Хочу спокойно отлежаться. Мама уже приезжала ко мне на квартиру, привезла лекарства.

– Давай-давай, выкарабкивайся, не раскисай! О тебе спрашивала Лера, проявляла большой интерес, говорила, что видела несколько твоих работ на одной выставке, но, мне кажется, её интересуешь именно ты.

– Что за ерунда! – удивился Георг. – У неё есть Стас, я-то ей зачем?

– Она к тебе явно равнодушна.

– Прямо мексиканский сериал какой-то под названием «Сердце куклы». Она меня вовсе не волнует, в ней нет изюминки, загадки, а для меня это важно. Лера просто хорошенькая куколка, довольно примитивная...

– Она не так глупа, как тебе кажется.

– Всего лишь практичная, цепкая и с амбициями. Так я её почувствовал.

– Нельзя требовать от людей слишком многого. Не могут же все быть яркими, умными, глубокими, да ещё и бескорыстными.

– Конечно, не могут. Но девицы с пустыми глазками мне не интересны. Да и другу я бы никогда не стал дорогу перебежать. К тому же, в моей жизни появилась Ада, ты же знаешь.

– Наверное, ты прав. Выздоровливай, дорогой!

***

В понедельник Георг сам позвонил Михаилу.

– Что нового, дружище? Как отметили день рождения?

– Не совсем удачно, – ответил Михаил, – видимо, потому, что не было тебя. Ты всегда приносишь мне удачу. Даниил приехать не смог, Елена начала капризничать и мы с ней поссорились, у Леры разболелась голова, она уехала довольно рано, а мы со Стасом остались вдвоём и напились, что мне, вообще-то, не свойственно. Теперь голова болит не только у Леры, но и у меня. Она, кстати, сегодня утром уже звонила, спрашивала о твоём самочувствии. Может, передать ей от тебя привет?

– Это исключено.

– А как ты себя чувствуешь?

– Мне уже легче, но я всё равно лежу в постели, прикидываюсь очень слабым, много читаю и жду звонка Ады. У меня предчувствие, что она вот-вот позвонит.

– Конечно, позвонит. Выздоровливай, ни о чём не тревожься. Если захочешь задним числом отпраздновать день моего рождения, скажешь мне об этом, и мы с тобой соберёмся в любое время.

***

В одиннадцать часов ночи Георг почему-то резко проснулся. Включив ночную лампу, он встал и, ероша волосы, прошёлся по комнате. Вдруг зазвонил телефон, молодой человек схватил трубку, но сквозь шум и гул ничего не было слышно. Наконец раздался знакомый голос.

– Добрый вечер. Вы ещё не спите? – спросила Ада.

Несколько секунд Георг не мог говорить, у него стоял комок в горле.

– Почему вы так долго не звонили? Я не находил себе места, просто не знал, что и думать! У вас всё в порядке? – наконец выпалил он.

– Да, сейчас уже всё в порядке. Дело в том, что мой итальянский друг Пьер был болен – и очень серьёзно. Состояние было пограничное – сердце. Он кинопродюсер, у него бывают большие перегрузки, он себя не бережёт. Я ухаживала за ним, сейчас опасность миновала.

– Ах, вот оно что! У меня тоже было пограничное состояние, если вас это интересует, – Георг почувствовал, что Ада улыбнулась.

– Конечно, меня интересует всё, что касается вас, – голос Ады стал тёплым.

– Я сделаю всё, чтобы прилететь в Италию: брошу все дела, займу деньги, открою визу.

– Не торопитесь. Италию придётся отложить. У меня есть большая проблема, точнее сказать – беда, о которой я никому не рассказываю, кроме самых близких. В обычной жизни я веду себя как ни в чём не бывало – улыбаюсь, общаюсь, но эта беда постоянно со мной. Только надежда на благополучный исход держит меня на плаву. Мне придётся лететь в другую страну, которую я, уж не знаю почему, не люблю. Пьер поможет мне с этой поездкой. Он всегда и во всём мне помогает. Таких отзывчивых и бескорыстных людей редко встретишь. Мы с ним знаем друг друга сто лет!

– Не надо о нём. Расскажите о себе и о своей проблеме. В какую ещё страну вы собрались лететь и зачем?

– Я должна лететь в США, в Нью-Йорк. Мой сын пропал там без вести два года назад. Все это время я искала его, но безрезультатно.

– Не может быть! Как же так? – Георг не находил нужных слов от растерянности.

– Да, к сожалению, это так.

– А что он делал в США, чем занимался?

– Изучал новую для себя страну. Вообще-то, он историк. Я ему говорила по телефону: «Возвращайся! Посмотрел чужие края – и довольно, пора домой». Но он там встретил девушку, влюбился и всё тянул с возвращением.

– И где же эта девушка? Что она говорит?

– Не знаю. Всё это, видимо, было мимолётно. Волонтёры помогают искать его, теперь от них пришла информация, что молодой мужчина, получивший черепно-мозговую травму два года назад в результате несчастного случая или нападения, возможно, мой сын. Он находится в одной из клиник Нью-Йорка, у него амнезия. Мне необходимо срочно туда вылететь. Я уже была там однажды по этому вопросу, но тогда произошла ошибка – это был не мой сын, волонтёры ошиблись.

– Ада, вы найдёте сына! Верьте мне – у меня очень сильная интуиция. Вы только молитесь!

– Вы даёте мне совет молиться? А сами вы молитесь? Ходите в церковь?

– Меня при рождении крестили, но, к сожалению, я давно не был в церкви. Когда была жива моя бабушка, она водила меня туда каждое воскресенье и на праздники, и мне там было хорошо. Я помню и долгие службы, и пение, и перезвон колоколов. После бабушкиной смерти я стал ходить туда довольно редко, вроде, дела меня отвлекают, но это, конечно, отговорки. Вот

сейчас я почувствовал, как важно верить! Люди почему-то только в самые тяжёлые моменты вспоминают о Боге, такова неблагодарная человеческая натура.

– Вы правы, Георг. И о родителях неблагодарные дети тоже вспоминают лишь тогда, когда им самим становится крайне тяжело.

– Верно. Я как раз думал написать блудного сына, так, как я вижу эту притчу...

– Видимо, я вас недооценила, оказывается, вы очень взрослый по своей сути и даже мудрый, а мне часто не хватает мудрости.

– Ада, я открою туристическую визу и вылечу в Нью-Йорк, чтобы поддержать вас.

– Что я могу сказать на это? Может, вам не стоит так горячиться?

– Что значит горячиться? У вас беда – и я должен быть рядом! Сейчас я продиктую мобильный телефон моего нью-йоркского друга, его зовут Роберт, через него мы потом и свяжемся.

– Ну что ж, хорошо, – согласилась Ада и назвала день своего прибытия в Нью-Йорк. – И не болейте больше! Я позвоню вам. Встретимся в Нью-Йорке.

Глава 3

– Через несколько минут наш самолёт совершит посадку в Международном аэропорту Джона Кеннеди города Нью-Йорк, – объявила стюардесса на нескольких языках.

По корпусу самолёта барабанил сильный дождь. Георг посмотрел в иллюминатор и увидел посадочную полосу, серое здание аэропорта в густых нитях дождя и вокруг поля, залитые водой.

«Хорошо, что идёт дождь, – подумал он. – В такую погоду мысли текут более спокойно».

– Дорогие друзья, держимся вместе! – объявил руководитель туристической группы, обращаясь к своим подопечным.

– В аэропорту я отделиюсь от группы, меня встретит друг, и жить я буду у него, – сообщил гиду Георг.

– Не теряйтесь, у нас запланирована очень интересная программа, – сказал руководитель.

– У меня будет своя программа, – ответил ему Георг. – Но я хотел спросить, входит ли в вашу программу посещение Метрополитен музея?

– Обязательно входит!

– Будем на связи. В день посещения музея я присоединюсь к вам.

***

Пока все проходили таможенный контроль, Георг обратил внимание, что в залах всё предусмотрено для более быстрого обслуживания пассажиров. Офицеры охраны руководили порядком и в обращении с пассажирами были очень внимательными и вежливыми. Среди офицеров Георг заметил много темнокожих женщин. Облегающая форма подчеркивала их колоритные формы. «Люди здесь очень улыбочивые и доброжелательные», – отметил он про себя.

На выходе из здания аэропорта Георга поджидал Роберт.

– Как я рад, что ты прилетел! Хорошо, что надумал посетить наши края! – стал сыпать он радостными восклицаниями, обнимая друга.

– У меня появилась серьёзная причина прилететь сюда, я говорил тебе об этом по телефону. Конечно, и тебя хотел увидеть, – ответил Георг.

Глядя на Роберта, он подумал, что тот несколько не изменился за эти годы и остался, как и прежде, «очень худым, очень высоким и очень жгучим брюнетом», как в шутку говорили о нём ребята в Москве.

– Садись в машину, вещи я сам уберу в багажник, – Роберт взял сумки Георга. – Дождь прекратился, ехать будет легче.

– В одной сумке – стекло, подарки для тебя, не разбей.

– Что ты выдумал! У нас тут всё есть.

– Так это же подарки, да из родной Москвы!

– Подарки из Москвы дорогого стоят. Моё сердце так и осталось там, на родине. Сколько лет живу в Нью-Йорке, но не прижился. Вроде бы всё хорошо, но что-то не так. Однако, обратной дороги уже нет.

– Надо же, – удивился Георг. – И что же тут не так?

– Сейчас приедем, сядем за стол, и я тебе всё расскажу.

***

Пока они ехали и сбивчиво говорили обо всём понемногу, Георг рассматривал город в окно машины. Увидел он совсем не то, что ожидал. А ожидал он, что вокруг будут стоять небоскрёбы, всё будет сверкать, как в западных кинофильмах, и он узрит роскошь, блеск, красоту и кипение жизни. На самом деле не видно было никакого блеска и никаких небоскрёбов.

Двусторонняя дорога, что вела из одного района в другой, («Всего в городе пять районов, наш – один из самых дорогих», – пояснил Роберт), лежала через какие-то заброшенные холмы, покрытые чахлой травой. Иногда по краям дороги мелькали неопрятные, неухоженные деревца, небольшие болота, поросшие осокой, озёра, водоёмы, по берегам которых лепились частные двух- и трёхэтажные дома в старинном англо-голландском стиле. Вдали, на огромном расстоянии от этих мест, виднелись небоскрёбы Манхэттена. Их верхушки напоминали сложенные зубья расчёски.

«Какой-то странный город, – подумал Георг. – Ада говорила, что не любит его. Но, может, она почувствовала неприязнь к Нью-Йорку из-за истории с сыном?».

Роберт сказал, что они въезжают в тот район, где он живёт. Георг увидел однообразные улицы без зелёных насаждений, однотипные шести, десяти и двенадцатиэтажные дома-коробки из бордового и тёмно-коричневого кирпича. Только между домами он заметил небольшие, огороженные металлическими резными оградами, внутренние дворики с цветами, кустами и редкими деревьями.

– Почти везде то же самое, кроме Манхэттена, – сказал Роберт, словно прочитав мысли Георга. – В целом город похож на большую казарму. Лично для меня – он такой. Только маленькие садики радуют глаз и белки, обитающие там, оживляют картину. А что касается нью-йоркского метро, оно вообще вызывает у меня удивление и даже содрогание, да и не только у меня. Но иногда приходится ездить и в метро.

– Честно говоря, я ожидал увидеть нечто совсем другое, – Георг как-то погрузился.

– Да ты не скидай! Здесь много красивых мест, есть на что посмотреть. Всё увидишь и оценишь, и к океану съездим. Что мне здесь нравится, так это океан.

– Да, хотелось бы увидеть то, что меня «зацепит», я планировал сделать зарисовки.

– Мы приехали, выходи, прошу в мои апартаменты.

– А квартира твоя или снимаешь? – Георг с интересом огляделся, входя в небольшую квартиру-студию.

– Снимаю. Сначала жил в общежитии, работал таксистом. Недавно открыл арт-салон, сейчас дела пошли в гору, в будущем мечтаю купить своё жильё.

– Здорово!

– Я без дела не сижу. Пишу картины, торгую поделками и бижутерией. Недавно принял продавщицу, один уже не справляюсь, ведь я ещё даю частные уроки музыки и веду шахматные кружки. Здесь все работают на двух-трёх работах.

– Я слышал об этом, – сказал Георг, снимая куртку.

– Ты иди в душ, а потом сядем за стол, – Роберт открыл холодильник и стал доставать продукты.

– Я быстро! – крикнул ему Георг, и действительно недолго был в душе, а когда вышел оттуда, стол был уже накрыт.

– Садись, теперь спокойно поговорим, – пригласил друга Роберт. – Скажи для начала тост.

– За встречу! – Георг поднял бокал.

– За встречу! – ответил Роберт, и бокалы зазвенели. – Как там наша матушка-Москва?

– Москва растёт и хорошеет. Но мне, в первую очередь, хотелось бы послушать о твоей жизни здесь и об этом городе.

– О своей личной жизни скажу одно – у меня всё в порядке. Я встречаюсь с девушкой, хотим создать семью, правда, времени для общения мало, плотно работаем. Что касается Нью-Йорка, это особая тема. Нью-Йорк – сложный город. Кого здесь только нет! И сброда всякого хватает. А я живу будто одним днём и, представляешь, мечтаю о старости, хоть и молод ещё. Я старше тебя, но не настолько, чтобы уже сейчас мечтать о пенсии, а вот мечтаю, так как это даст мне возможность вздохнуть от этой гонки с препятствиями, освободиться от бесконечного беличьего колеса, путешествовать и, самое главное, жить там, где я захочу. А мечтаю я жить на природе, в своём доме, чтобы был сад с фруктовыми деревьями, большая собака, земля под ногами... Хотелось бы без суеты писать картины, заниматься музыкой...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.